

АТАМАН

Основательно, полно оценить уникальное это явление – журнал “Наш современник” в 30-летнюю “куняевскую” эпоху – дело историков литературы и культурологов; надеюсь, они не оставят вниманием эту важную тему. У меня же есть личное – зато укреплявшееся 20 лет – живое и непосредственное впечатление от ежегодных итоговых редколлегий журнала.

Чаще всего проходили они в январе, в дни Старого Нового года. И вот, приезжая из своей Калуги в Москву, я всегда чувствовал, как с каждым часом пути, когда сначала предместья, а затем и окраины шумной столицы всё выше, грубее, навязчивей громоздились вокруг, я чувствовал, как отдаляюсь от той привычной России, с которой сроднился, и погружаюсь в иной, уже не вполне русский мир. Но когда я видел двухэтажное скромное здание на Цветном бульваре, – по московским меркам, так вообще крошечное, – я всегда выдыхал с облегчением: ну, слава Богу, я снова в России... Дело даже не в том, что сам облик здания очень русский, типично провинциальный, занесённый как будто из Вологды или Калуги; дело в том, что Россия-то и собиралась в эти январские дни в кабинете главного редактора, Станислава Юрьевича Куняева. И я бы, кстати, несколько не удивился, если б увидел на этом доме табличку: “Посольство России в Москве”.

Да, чуть ли не вся Россия – в лице тех писателей, чьи труды напечатаны были в журнале и получили ежегодные премии – за тридцать лет перебивала в куняевском кабинете. В известном смысле, Станислав Юрьевич и привёл Россию в Москву, чтобы защищать и отстаивать нашу общую родину. Недаром на обложке журнала мы видим Минина и Пожарского, которые тоже четыреста лет назад привели в Москву русское ополчение.

Я обычно запаздывал и появлялся, когда застолье было уже в разгаре. И всегда поражало разнообразие лиц – мужских и женских, старых и молодых,

изношенных жизнью и свежих, самых простецких и утончённо-интеллигентных, — которые разговаривали или смеялись, выпивали-закусывали, слушали тосты или сами их произносили. Но главное, что все эти лица были очень живые — и настоящие.

Кого только не было здесь... Священники и коммунисты, профессора и студенты, бродяги-геологи и офисные чиновники, генералы и рядовые, хирурги и лётчики, кабинетные учёные и охотники-промысловики, — кажется, все чины и сословия, все профессии, все грани того, из чего сложена необозримая русская жизнь, — все сошлись в кабинете Куняева в сложном и шумном застолье. Конечно же, не обходилось без споров — народ-то собрался горячий, — и порою казалось, что вот-вот вспыхнет ссора. Но — что значит авторитет главного редактора! Его жест, реплика, шутка, а иногда и прочитанное стихотворение, заставляющее всех замолчать и вслушиваться, само присутствие здесь Станислава Юрьевича не просто мирило всех, а вот именно — объединяло, сводя все противоречия в некой сложной и напряжённой гармонии. Если б случился здесь Константин Леонтьев, он бы непременно воскликнул: “Вот это и есть та цветущая сложность, которая выражает собою жизнь в её полноте!”

Застолье шумело и всё оживлялось. И мне начинало мерещиться что-то совсем уже древнее: словно здесь, в центре чинной столицы, в стенах редакторского кабинета гудит-кипит Запорожская Сечь... Недаром же “Тарас Бульба” — одна из любимейших повестей самого Станислава Юрьевича; вот кем-то вроде казачьего атамана мне порой представлялся и он — человек, управляющий всей этой вольницей и выражающий как бы её совокупные мысли и чувства.

Думаю, что архетипом-прообразом “Нашего современника” можно считать не только пушкинский “Современник” (их связь и преемственность несомненны), но и “Письмо запорожцев турецкому султану”. Ведь знаменитое, дерзкое это письмо и есть, в каком-то смысле, архаичный казачий журнал — продукт коллективного творчества, — и выражает оно тот же дух самобытности, воли, отваги, что позднее воплотил и куняевский “Наш современник”.

Несомненно и то, что руководимый Станиславом Юрьевичем журнал есть один из последних оплотов истинной демократии — орган волеизъявления народа, от лица которого он, журнал, и вещает последние 30 лет. И авторитет главного редактора, как и авторитет настоящего предводителя-атамана, держится не чинами и не регалиями, а напрямую зависит от ума, воли, совести и таланта вождя. Не будь так — не кипела бы так нестеснённо и живо журнальная вольница, и цветущая сложность журнала давно бы увяла.

И когда вновь выходишь в морозную ночь, чтобы ехать в Калугу, то даже Москва, что шумит и клубится вокруг, больше не кажется отчуждённо-холодной, какой она была ещё так недавно; нет, теперь это тоже часть той России, какую сплотил, воплотил, сохранил, укрепил и прославил журнал “Наш современник” и его атаман...

Андрей УБОГИЙ

УБЕЖДЕНЕЦ КУНЯЕВ

Начну почти с личного и слегка неординарного. Совсем недавно, 1 августа, по многолетней уже традиции, на Новодевичьем кладбище собрались друзья Виктора Поляничко — отметить 26-ю годовщину его гибели. Это был сильный, надёжный, опытный человек, прошедший школу комсомола и ставший заместителем Председателя Правительства России. Он отправился в тяжкую командировку — налаживать отношения в осетино-ингушском конфликте, переезжал на машине из одной точки в другую с двумя спутниками, и их всех расстреляли боевики. Такими горькими историями нафаршировано наше нынешнее бытование, сейчас гибели людей “при исполнении” никто не удивляется, да ещё под торопливый аккомпанемент наших “проденежных” исполнителей — тому-то полагается (за смерть? за жизнь?) — миллион, тому — два, а тому и вовсе лишь кое-что: страна царствующего капитала все беды и утраты меряет нетвёрдым рублём...

Словом, Виктор, царствие ему небесное, давно нет, интерес власти к его имени угасает, если бы не Лидия Яковлевна Поляничко — его жена, его вдова, верно и неуклонно собирающая возле памятника мужу помнящих его друзей.

Таких становится всё меньше, другие не могут приехать по причине нездоровья, но Лидочка наша верная всё собирает и собирает прямо на Новодевичьем друзей на скромное и истинное поминовение.

Итак, я прихожу туда 1 августа, целуюсь с Лидой и вижу у неё под локтем не что иное, как двенадцатый номер “Нашего современника” за прошлый год.

Обхожу друзей, мы чокаемся, поминаем добрым словом Виктора, с которым каждый из нас встречался, обнимаемся и печалимся.

И тут ко мне подходит женщина, мы знакомимся — это Галина Дмитриевна Засухина, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой Института человеческой генетики имени Вавилова. А ещё — вдова академика Игоря Васильевича Петрянова-Соколова, с которым мы были знакомы и который известен той нашей, большой стране как Председатель Всесоюзного общества книголюбов. А начинает Галина Дмитриевна, просвещённый специалист по генетике, совершенно невероятно. Она рассказывает мне, что выписывает “Наш современник” многие десятилетия, штудирует всё, что там публикуется, и не устаёт восхищаться им, являющим современную литературу во всех её ипостасях. Потом спрашивает:

— А вы имеете отношение к автору романа “Бьянка. Жизнь белой суки”? Он тоже Лиханов.

— Да, — говорю я, — это мой сын Дмитрий.

И тут я посвящаюсь в дружескую историю женских отношений. Оказывается, Лидия Яковлевна Поляничко, прочитав этот роман, пришла в восторг и, зная, что подруга-генетик выписывает журнал многие годы, и уже прочитала “Бьянку”, попросила отнести его домой Любови Кузьминичне Баясной, в прошлом “главной пионервожатой” всей страны, секретарю ЦК ВЛКСМ и замминистра просвещения РСФСР. Любовь же Кузьминична, прочитав журнал, принесла его сюда, под локоть Лидии Яковлевны. О чём и сообщила мне. А генетик Галина Дмитриевна излила на меня общую читательскую радость.

Словом, в рамках поминовения доброй памяти Виктора произошла какая-то краткая, но ярко эмоциональная читательская конференция, в конце которой мне пришлось поблагодарить опытных читательниц как отцу и произнести слова разочарования: дело в том, что и я, отец, и моя жена, мать Дмитрия, роман не читали. Она — из страха перед эмоциями, которыми наполнен роман, а я — из корректности: сын — автор самостоятельного, и всякое, даже мелочное вмешательство в его прозу для него недопустимо.

Я излагаю эту сцену на кладбище без каких-либо “подводных” соображений, без всяких метафор. Просто — так было, и слава Богу. Ведь чувства, находящие людей, они — повсюду. Можно только удивиться, поклонившись вездеходным достоинствам “Нашего современника”.

Мне и по своему опыту известно, хотя всё, что я опубликовал в “Нашем современнике” за последние 25 лет, издано книгами, во многих библиотеках их просто нет, зато ссылки на тот или иной текст есть безоговорочно. И со ссылкой на что? На журнальную публикацию. Так что всякое появление в журнале — стихов ли, прозы ли, публицистики — это непременно включение в великий библиотечный круг, как бы гарантируемый журналом.

И здесь в самую пору произнести хвалу Станиславу Юрьевичу Куняеву. Тридцать лет назад “Наш современник” попал в надёжные руки. До него журналом правил Сергей Викулов, упорный вологодский поэт, создавший площадку для расцветшей тогда “деревенской” прозы. Он, потирая синяки и шишки от тогдашней власти и её цензуры, выстроил журнал как памятник народу, как его рупор — честь и хвала как ему, так и всем его соратникам по тому нелёгкому, непростому бытию главреда.

Куняев пришёл в журнал на стыке эпох. Кто тогда знал, что станет с литературой? Кто и куда двинется? Кого услышат, если захотят услышать?.. Как литература “переварит” окружающее её бытие?

Помню, что, может, и последний громкий вздох советской духовной глыбы был напечатан именно “Нашим современником” (кажется, в форме приложения, чего никогда прежде не было). Этот вздох, это тяжёлое разбиратель-

ство, этот философский труд о сущем мира — до сих пор не прочитанный по-настоящему, не исследованный в сути, не понятый и не принятый разумом — даже самым продвинутым! — остаётся неразгаданной загадкой. Вздох этот и эта загадка — последний роман Леонида Максимовича Леонова “Пирамида”. Романице!

Для редакции та публикация — дело историческое. И для страны, и для любой её власти, и просто для человека. А дальше журнал стал следовать жизни. Писать о том, что происходило вокруг.

Мне кажется, современное бытие первой начала расследовать поэзия. Ведь верное словцо, образ, деталь в поэзии могут стать фактом как страдания народного, так и сострадания ему.

Рядом шла — и следует — отважная публицистика. Немыслимо перечислить имена авторов — живущих и умерших, — кто не побоялся и не боится сказать правду самому народу. Если и он не отучится читать и мыслить. Так что поэзия и публицистика были все эти годы острее, резали глубже, держали читателя в напряжении. Проза, мне кажется, как тяжёлая артиллерия, движется медленнее.

Глядя на Станислава, я порой думаю про редакторскую долю, сравнивая её с Некрасовской. Он издавал “Современник” без местоимения “Наш”. Наш или не наш — это сложные материи, в которых я не умею копать, но вот про везение Некрасова ведомо: ему, оказывается, здорово везло в карты. Он регулярно, систематически, смело выигрывал деньги и на эти деньги выпускал “Современник”. Вот бы, думаю, глядя на Стасика, выиграть ему в лотерею полмиллиарда, про что нам трещат по телевизору... Как бы полегчало этой малой кучке соратников, стоящих у истоков нынешней литературы!

Хочу поразмыслить и ещё об одной особенности Куняева. Он всегда стремился к соратничеству, искал и находил единомышленников. В первом их ряду я вижу философа Вадима Кожина, поэта Юрия Кузнецова и Геннадия Гусева, который многие годы был правой рукой Станислава в журнальной практике. Конечно, все они были друзьями, были соратниками, единомышленниками, если можно так выразиться — содуховниками. Вадима я знал немного, но знаю, нас объединял Тютчев, ведь Детский фонд возродил после коммуналок его родительскую усадьбу в Армянском переулке. Кузнецова лишь читал, а Гену Гусева любил как близкого, верного, умного друга, который помогал Станиславу тащить воз “Нашего современника” многие-многие годы. Когда-нибудь историки журнальной жизни разберутся, какая публикация сыграла какую роль, какое место заняла в общелитературной истории. Но стоит не полениться и прочитать книгу Станислава “И бездны мрачной на краю...” про Юрия Кузнецова, чтобы восторженно оценить смысл такого соратничества, сущность высших духовных исканий, когда два поэта разбираются в образе не чего-то земного, а... рая.

Читая книгу сына Станислава Куняева — Сергея, которого отцу удивительно удалось наполнить собственным чувствованием истины и слова, — книгу о Вадиме Кожине, поневоле понимаешь, какое же глубинное упорство являют своей жизнью, поступками, взглядами Станислав и Вадим, вырабатывая их и автономно, и, разумеется, в единстве единомыслия. Такое сотоварищество, я полагаю, наполняло обоих цельностью духа и дела.

Станислав обладает вольным сознанием литературы. Прочитав тысячи опусов (не только рукописных), поневоле окажешься в центре перекрестия, откуда ясно видны все четыре стороны света, отражённые и в литературе.

А как публицист, владеющий твёрдыми убеждениями, создал целое многообразие своих исследований в области политики, истории, социального бытия. И — литературной жизни. И это, конечно же, “Поэзия. Судьба. Россия”. У него много оппонентов, даже врагов, ведь так и должно быть у главного редактора — убежденца.

Мне нравится это слово и понятие: убежденец, не писака, которому лишь бы попасть в элитную колею, для чего не пожалеет ни матери, ни отца, а человек, во-первых, многое прошедший и понявший, а ещё — владеющий отвагой, которая и ведёт его по жизни.

Станислав Куняев именно такой. Он яркий, верующий и знающий убежденец, полный надежды и беспрепятственного, ежесекундного духовного труда.

Честь ему и хвала.

ЗА ВСЁ ПОКЛОН

Поклон тебе, Станислав Юрьевич, от братьев наших сибиряков и от тех, кого уже нет с нами – Николая Колмогорова, Виталия Крёкова, Любви Никониной. . . И от нас, грешных, живущих ныне в суровом, но благодатном крае Кузбасс: от Бориса Бурмистрова, Сергея Донбая, Александра Раевского, Виктора Коврижных, Дмитрия Мурзина и других поэтов российской окраины, которых ты всегда поддерживал и вместе с необыкновенно суровым Ю. Кузнецовым и необыкновенно доброжелательным А. Казинцевым пестовал.

Прости, что в делах, заботах творческих и, порой, бестолковых мы не находим время сказать добрые слова в адрес тех, кто нам близок и дорог.

Во многом благодаря тебе, Станислав Юрьевич, известна провинция своими поэтами по всей Руси, и не только.

Публикации в журнале “Наш современник”, совместные поездки по стране, участие во многих официальных и неофициальных встречах – за всё поклон.

Для нас есть поэт и мыслитель – Станислав Куняев, и никто не отнимет у нас уважения и признательности за то, что сделано им во славу Русского слова и Русского мира. А все газетные кликуши из “ЛитРоссии” и других псевдопатриотических изданий гроша ломаного не стоят в сравнении с твоей Русской правдой.

Станислав Юрьевич! Дай Бог тебе здоровья, духовных сил на долгие годы!

Борис БУРМИСТРОВ
Сергей ДОНБАЙ
Дмитрий МУРЗИН
г. Кемерово

ОБРАЗ ПОСТУПКА

Станислав Куняев – блистательный мастер поступка! И писательская среда таковые непременно помнит и передаёт из уст в уста. Тут и злосчастный критик, попавший под горячую руку, и трезвый куняевский голос супротив оголтелых поклонников всем известного барда, коего внезапные радетели ревностно замалчивали при жизни.

Самое большее, о чём может мечтать каждый главный редактор литературного журнала, – чтобы к изданию, как штык, примыкалось его имя, аттестуя тем самым время его же верховодства. Названный с оглядкой на пушкинский “Современник”, журнал “Наш современник”, при всех подчас полярных мнениях о нём, значим для литературной жизни Отечества. И последние три десятка лет при Станиславе Куняеве, пожалуй, самые существенные в его судьбе. Журнал выстоял на сломе эпох, не потерялся в сонме журнальных новобразований и литературных интернет-сайтов.

Сам же Станислав Юрьевич, отдаваясь всецело журналу, не избыл и по сей день свой стихотворный талант. Это удивительно, и на то Божья воля! А к его уже хрестоматийным строчкам, взятым наугад из памяти:

*Но я гляжу на Запад и Восток
Не очерёдно, а одновременно, —*

или ещё к таким:

*Недаром легли как основа
В синодик гуманных торжеств
И проповедь графа Толстого,
И Жукова маршальский жезл, —*

да и к тем, чей смысл загадочен, но разделяем тобой:

*И уровень славы упал до нуля,
И уровень жизни взлетел до предела...
Разумные люди. У каждого — дело.
И всё-таки нация чтит короля! —*

как не процитировать вдобавок из не так давно начатого куняевского блокнота?!

*Не по мне этот мир, не по мне —
Так прекрасен, что сил не хватает.*

Судьба благосклонна к Станиславу Куняеву, возведя его по ходу пьесы на современной литературной сцене не только в ранг действующего лица, причём одного из главных героев, но и доверив описать самое действие для вящего утверждения истин и в назидание будущим зрителям и участникам. Его публицистические статьи, а потом и книги до того содержательны, что прочтываются неотрывно. Автору веришь, ведь большая часть фактуры как раз и есть то, чему Станислав Юрьевич был свидетелем.

Но если большинство воспоминателей сосредоточены, прежде всего, на себе, то Куняев ищет и выявляет сущность. И с какой болью говорит он о России, о русском пути, о русских!..

Кажется, на сегодня у Станислава Куняева — самый долгий срок пребывания на посту главного редактора в стране. Имярек рад соседству с ним на одном из литературных порталов, где завели клуб главредов. Там под фото Станислава Юрьевича приводятся его слова: “Ежели поэты врут, жить не можно”. Тут ни убавить, ни прибавить. Понимаешь эти слова как то, что художественная правда и есть истина, определённая свыше. И относишь сказанное ко всем и каждому, но более всего — к себе самому.

**Виктор ПЕТРОВ,
главный редактор журнала “Дон”
г. Ростов-на-Дону**

ЖУРНАЛ, СПАСАЮЩИЙ РОССИЮ

В середине 1980-х в России к власти пришёл если и не явный предатель, то управляемый трус. Боялся он и своей жены, и заокеанской тётки, слушался российских богатеньких Буратино, а особенно чикагских мальчиков, расхватавших кресла и кабинеты в Кремле. Чтобы внушить населению страны, что наступили счастливые времена всеобщей толерантности, тотальной гласности, поворота страны на пути передовой мировой цивилизации, им нужна была пресса, кино, телевидение, газеты и журналы, которые бы воспевали приход демократии в страну победившего социализма. Они помнили завет Сталина: “Кадры решают всё”. И у них везде появились свои кадры. Журнал “Огонёк”, по выражению Василия Белова, бывший при Софронове красным, быстренько пожелтел при Коротиче. И тут вот что надо обязательно заметить: кадры в самом журнале остались те же. И журнал, славивший страну СССР, стал поливать её грязью. Остальное происходило соответственно. Журналисты вспомнили, что их профессия сродни профессии проституток, и восторженно ложились под новых хозяев жизни. Кино стало похабным, телевидение, начав с аэробики, вскоре стало откровенно развратным, газеты учили употреблять наркотики, вроде бы воюя с ними, в школу вторгался секспросвет, по радио зазвучали, в основном, заокеанские мелодии типа “дерготня”, заморское “эхо” круглосуточно зомбировало завоеванную Москву, серебряные ядовитые дожди её поливали, всякие обозреватели картавили на всех каналах. Редкие трезвые голоса глушились визгом “Московских новостей”. Ошеломлённое, битое с толку население окончательно охмурилось пропагандой демократии, отравлялось дешёвым королевским спиртом “Ройял”, пускало на закуску последние стада коров и свиней. Темпы вымирания людей, в соответствии с призывом партии об ускорении, ускорялись. Съели вскоре и свинину,

и говядину и пошли в магазин за порошковым молоком и за мясом, давно для нас в Европе замороженным и уже ставшим не едой, а отравой. Свои поля, пастбища, сенокосы задичали. Леса вырубали и вывозили на радость Европам. В армии развилась дедовщина, офицеры стрелялись. Вернулся туберкулёз. Начался СПИД. Наши педерасты, до того, как рыжие тараканы, прятавшиеся в щелях, оживились: сбывалась мечта идиотов – выходить на демонстрации, как в Европе.

Теоретик и практик перестройки Яковлев был всем доволен. В мечтах уже и памятник ему самому, любимому, рисовался: “Преобразователю России в Канаду”. Одно его огорчало, что вместо уходящего с поста журнала “Наш современник” Сергея Викулова Юрий Бондарев, Василий Белов, Валентин Распутин просили назначить Станислава Куняева. О, этот Куняев крепко шатнул основы либерализма, организовав дискуссию “Классика и мы”. Вроде бы уже приучили читателей, что всякие багрицкие, безыменские, светловы, бедные, голодные, беспощадные, коганы, кульчицкие, алтаузены – все воспеватели убийц русского народа, апологеты его убийства в революциях и гражданских войнах, что все они великие, незыблемые столпы, не подлежащие пересмотру авторитеты. А уж их художественные достоинства-то каковы, где там Пушкину! Но на дискуссии Палиевский, Кожинов, Куняев и их сподвижники свергали эту аксиому.

Пошёл Яковлев за Горбачёву. “Миша, так и так, эти русофилы ишь чего захотели”. А Мише лишь бы, чтоб всё было шито-крыто, без шума и шороха, ему так жена велела. Он, поскрёбши знаменитую отметину на лысине, сказал: “Саша, все толстые и тонкие журналы и все толстые газеты мы переориентировали. – Вот какое умное слово Миша выговорил. – Давай хоть одну кость этим русакам бросим”.

Бросили. И что? И застряла эта кость у либералов в горле. И доселе не вытащат. А уж как кряхтели, как надсаживались-надрывались – нет, не смогли. Только грыжу заработали.

Нынешнему энергичному литературному молодняку, даже прорусскому, не представить, в каком враждебном кольце была русская жизнь и русская словесность в 1990-х. И каково было все эти тридцать лет главному редактору?.. Каторга. А не сдался. Несогласие с перестройкой, сопротивление ей, тоска по уходящей советской России со временем сменились пониманием, что ничего, кроме Православия, Россию не спасёт.

Ведь всё было убито, всё рухнуло: идеология, экономика, оборона, образование, а Россия была жива! Как, кто спасал? Спасала, спасает и спасёт только Церковь Православная. И понимание временности земной жизни и вечности вечной. К этому пониманию постепенно приходил и приводил и авторов, а значит, и читателей главный редактор. Ещё были публикации, что называется, прежней ориентации, ещё надолго застревал журнал в материалах Солженицына, но уже обозначалась главная линия литературы – духовность, любовь к родине, уважение к великому прошлому, вера в великое будущее России. И ведущий русский журнал нашей современности внедряет это понимание в народное сознание.

Сим победиши!

Владимир КРУПИН

ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННОК

Для поэта журнал “Наш современник” – это русская ойкумена! А что касается меня – то это огромный, один из лучших отрезков моей жизни! Фёдор Достоевский говорил, что жизнь состоит из светлых воспоминаний. Так вот, наш журнал – это не только светлое воспоминание, но и свет, проникающий в душу русского человека, согревающий его и оставляющий надежду на прекрасное будущее России и русской литературы! И коллектив редакции под руководством нашего заслуженного поэта и выдающегося критика Станислава Куняева всё для этого делает. Всё есть в журнале: и острая публицистика, и прекрасная проза, и, конечно же, поэзия. Самые лучшие поэты нашего любезного Отечества гордятся своими публикациями в “Нашем современном”.

Станислав Юрьевич уже тридцать лет возглавляет журнал. Влияние журнала на литературный процесс огромно, с этим, думаю, никто не станет спорить. Пока Сорос давал финансовые подачки либеральным СМИ, в том числе журналам “Новый мир”, “Октябрь”, “Знамя” и т. д., они держались на поверхности читательского моря, но когда американский банкир перестал платить, то бумажные кораблики, оставшись с мизерными тиражами, сразу же намокли от либеральных слёз и затонули. . . Все “толстяки” пошли ко дну, кроме “Нашего современника”, который всегда держался на плаву благодаря своим подписчикам. Как постоянный автор журнала хочу сказать нашим читателям огромное спасибо за верность и любовь к “Нашему современнику”.

Журнал, освящённый именем великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, как военный фрегат, не мог затонуть или скрыться за горизонтом читательского интереса, потому что на парусе огромными буквами был начертан пушкинский завет:

*Пока свободу горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Такие глаголы бесследно исчезнуть не могут, да и не должны, пока есть Россия! Потому что пушкинский “Современник” и “Наш современник” — это единокровные братья!

Наш дорогой Станислав Юрьевич Куняев уже тридцать лет стоит у штурвала популярного журнала! Я уверен, что возрождение нашего народа в какой-то мере зависит и от “Нашего современника”! А с какой мощной когортой писателей и поэтов познакомил журнал своих читателей — Ю. Бондарев, В. Астафьев, В. Солоухин, В. Распутин, В. Белов, В. Кожинов и мой учитель Юрий Кузнецов, который возглавлял в журнале отдел поэзии! Не забывает “Наш современник” и о писательской молодёжи. Раз в год молодым писателям и поэтам отдаётся целый номер. Я бы назвал наиболее талантливых ребят — это сибиряк и хороший мой знакомый, прозаик Андрей Антипин, Елена Тулушева, Карина Сейдаметова, Андрей Тимофеев. . . Много талантливой молодёжи, которую поддерживает и печатает “Наш современник”, а по-другому и быть не может! Понятно, что без нынешнего главного редактора и его команды многие бы авторы и не состоялись творчески.

Я сам благодарен Станиславу Куняеву за его пристальное внимание к моему творчеству. Все лучшие стихи свои я напечатал в “Нашем современнике” и даже дважды становился лауреатом ежегодной премии журнала, чем очень горжусь. Станислав Юрьевич, лёгкий на подъём, приезжал к нам в Пермь, где он жил в детские годы. Был он и в области, и в этнографическом музее реки Чусовой. Выступал и в городских библиотеках.

В Перми поэту и публицисту в Доме учителя был вручён орден Достоевского первой степени.

Принимая орден Достоевского, Станислав Куняев сказал:

— Я счастлив получить эту награду именно в Перми по двум причинам: в 1936–1937 годах моих родителей направили сюда работать в физкультурный техникум. Мы жили около Красного сада, и если сейчас я проеду мимо этого сада (ныне это парк имени Горького), хоть я и был в ту пору четырёхлетний мальчиком, сердце забьётся у меня погромче. . . Но есть и вторая причина, по которой орден Достоевского мне дорог. Без прочтения Достоевского много бы в ходе русской жизни я не понимал. . .

Станислав Юрьевич проиллюстрировал сказанное двумя своими стихотворениями, озвученными в Доме учителя.

В них, в частности, были такие строки:

*А если уж Алёша Карамзov
Взрoптaл,
тo мы y бeзднy нa крaю...*

Тема русской бездны и стала определяющей в лекции главного редактора “Нашего современника”, прочитанной им двумя часами позднее в библиотеке

имени Пушкина и озаглавленной так же, как и одна из книг его публицистики: “Стас уполномочен заявить...” Зал библиотеки был полон, люди даже стояли у дверей. И приводимые лектором примеры, касающиеся силы, парадоксов и отличительных черт русского национального сознания, для некоторых слушателей, может быть, звучали впервые. Спасибо ему за то, что он просвещал наш либеральный край! Нужно добавить, что журнал печатает и многих провинциальных авторов, а не только столичных, как это бывает с другими изданиями... Ну, я и сам тому хороший пример. А завершить мои поздравления я хотел бы строками Александра Пушкина из стихотворения “Клеветникам России”:

*Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..*

Хочу поздравить Станислава Юрьевича с тридцатилетним юбилеем редакторства и заверить его, что от Перми до Тавриды в его когорте стоят и писатели, и читатели, и русский язык!

Игорь ТЮЛЕНЕВ
г. Пермь

Дорогой Станислав Юрьевич!

Поздравляю Вас с 30-летием руководства “Нашим современником”! Спасибо Вам за Ваш труд, а точнее сказать – за подвиг во благо русской культуры! Здоровья Вам и сил.

Ваш Валентин ГОЛУБЕВ

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо за всё Ваше творчество.

Да Вас только за “Сергея Есенина” и “Высшую волю” следует поставить... в святой угол могучих талантов русских.

Дай Бог Вам за сто лет прожить. И в лучшем виде сохраниться!

Виктор СЫРОМЯТНИКОВ
пенсионер, ярый поклонник поэзии.
Краснодарский край

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Выражаем признательность за поддержку, которую Вы оказываете нашей библиотеке. Наши читатели с удовольствием прочитывают журнал “Наш современник”. Ждут с нетерпением следующего номера. К нам мало поступает литературно-художественных журналов. А Ваш журнал – это погружение в мир настоящей литературы. В нём печатается много интересного, познавательного.

Желаем всем сотрудникам журнала здоровья, благополучия, процветания. Чтобы вы радовали читателей своими замечательными произведениями.

С уважением **сотрудники ЦРБ им. М. Горького**
г. Советская Гавань Хабаровского края.

Добрый день, уважаемый Станислав Юрьевич!

Прилетал в Афины Дима Мизгулин.

Отмечали 95 лет Алексису Парнису.

Дима сообщил нам радостную весть.

Я не знал, что в Вашем замечательном журнале был напечатан рассказ Парниса “Кремлёвский могильщик”. Если это правда, не могли бы вы подсказать, в каком номере. С праздником Вас и всю редакцию. Сегодня перечитал стихотворение Пушкина “Клеветникам России”. Будто вчера написано! Вот что надо изучать в школе!

И перевести на вражеский, чтоб дональды и терезы выучили наизусть.

Всяческих Вам успехов.

Алексей ЗАХАРИДИС

г. Афины

Многоуважаемый Станислав Юрьевич, добрый день!

По-прежнему очень надеюсь, что Вы, ваши родственники и члены редколлегии журнала здоровы, так как мне кажется, по сообщениям СМИ, что лучшие медицинские кадры и медоборудование сосредоточены сейчас в столицах, тогда как в провинции оптимизация здравоохранения (опять же по сообщениям СМИ) почти полностью убила медицину и добывает пациентов, и условно чистый воздух, леса, поля и реки (в которых полно клещей и буйно произрастает борщевик) уже не спасают от болезней.

В конце мая с радостью и надеждой пришла я в Котельничскую центральную библиотеку им. Л. Н. Рахманова, где XI Крупинские чтения “Учитель, перед именем твоим...” собрали местных ценителей прозы и поэзии. Пришла, чтобы увидеть и услышать В. Н. Крупина, известного писателя, земляка, публициста, и А. Г. Гребнева, поэта-вятяча, почётного гражданина Котельничского района Кировской области. С ними приехали очень интересные гости. Пришла, чтобы как-то амортизировать столкновение с действительностью, чтобы душа не ороговела. Пришла, потому что “следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная” (А. С. Пушкин)...

Литературные чтения православного писателя В. Н. Крупина проходили в нашем городе в день Славянской письменности и культуры. Именно в нашем районе родился А. Г. Гребнев, а В. Н. Крупин уходил на службу в Советскую армию со сборного пункта Котельничка Кировской области.

Скрещение судеб символично, заметно тёплое отношение земляков друг к другу. “Мы с Анатолием Григорьевичем так долго дружны, что даже кажется, что родились в одном роддоме”, – шутит Владимир Николаевич.

“Глубоко народная, глубоко православная и глубоко современная – такова русская литература”, – отмечает В. Н. Крупин в своём выступлении.

Лирические строки А. Г. Гребнева посвящены вятской земле, родному Чистополью. Стихи свои он читает негромко и проникновенно.

Приятной неожиданностью стал сюрприз гостей: книга стихов А. Г. Гребнева “Здравствуй, родина!” Это подарок читателям от библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров) и студентов ВятГУ, на собственные средства издавших книгу прославленного земляка.

Жаль, что не смогли читатели задать гостям свои вопросы. Перед встречей я в очередной раз пережила стихи Гребнева, перечитала последние произведения Крупина, опубликованные в “Нашем современнике”. Интересовало меня многое: например, как удаётся Анатолию Григорьевичу сочетать профессиональную деятельность врача с литературным творчеством? Не мешает ли одно другому?

“Так это вы пишете в “Наш современник” из Котельничка? А я думаю – кто это? И слог такой неплохой, – заметил А. Г. Гребнев. – Да, говорят, в одном из номеров стихи Валерия Фокина. Надо найти”.

Перед встречей я попросила В. Н. Крупина передать Вам, многоуважаемый Станислав Юрьевич, мою глубочайшую признательность и уважение за внимание, чуткость по отношению к безвестным писателям и читателям и низкий поклон за то, что Вы проводите огромную работу в нашей литературе,

и обязательно призвать присутствовавших (а среди них были люди пишущие) **ВЫПИСЫВАТЬ** “Наш современник”, поддержать журнал.

Жаль, что никак не дождусь Вашей книги о шестидесятниках.

Меня глубоко возмущает тот факт, что авторы, печатающиеся в журнале, не выписывают его и ждут, когда Вы передадите журнал “с оказией”. И не стесняются Вам об этом сообщить.

Всего Вам доброго. Здоровья Вам, вашей семье, членам редколлегии.

С уважением и признательностью,

Галина Леонидовна БАБЕНКО
г. Котельнич Кировской области

Я ТОГДА СКОЛОЧУ СВОЙ КОВЧЕГ

Определенно есть какое-то тайное правило природы в том, что самые интересные и значительные литературные журналы редактировали именно поэты – Пушкин и Некрасов, Твардовский и Викулов, и, наконец, Куняев. Какое провидение, какая удача, какой верный шаг – приход Куняева в “Наш современник” в “минуты роковые”! Какое везение! Без всякой повышенной экзальтации – все уже сделанное и делаемое сегодня Станиславом Куняевым по масштабу и глубине – подвиг.

Я часто писала о Куняеве в былые годы. А сейчас совсем не склонна впадать ни в литературоведение, ни в собственно литературную критику. Не к чему и ни к чему! Теперь, как говорится, “не до грибов”. Времена для русской литературы наступили суровые, почти военные. Русская поэзия вообще ушла в леса. В центре эфира остался один Дмитрий Быков, горячо влюбленный в Гитлера.

Если говорить о Куняеве – то о Человеке. Об уникальной личности, способной на тридцатилетнее подвижничество. На подвиг. Да, подвиг – иначе не видать бы нам русского журнала.

“Я вчера случайно прочитал книжку неизвестного поэта”... Это стихотворение было долго моим любимым у Куняева. Пока уже в 2000-е не прочитала другое: “Недавно в полночь я включил приемник” – с его горькой ораторной интонацией. От этого стихотворения надолго заболеваешь бессонницей – пусть и очищающей.

Мне всегда нравилось в Куняеве совпадение поэзии с документальным фактом его жизни. Если он сказал: я вчера случайно прочитал – значит так и было. Если написал: недавно в полночь я включил приемник – значит точно включил. Я видела его записные книжки – от самых ранних до зрелых. Они свидетельствовали о том, что со временем летописи эти преобразуются в большую литературу, встанут в ряд с герценовской хроникой “Былое и думы”, с “Дневниками” Достоевского. А летописец обретет наивысшее свое предназначение – возглавить журнал “Наш современник”.

Тридцать лет подряд он утешал, просвещал, подбадривал, поддерживал Россию, удерживая журнал буквально над пропастью. Тридцать лет он бился за самый высокий в России тираж среди толстых литературных журналов. Тридцать лет он вынужденно шел на компромиссы и ни разу не поступился своей совестью. Тридцать лет ему с надеждой писали русские, украинцы и белорусы из России и ближнего зарубежья, евреи из Израиля, русские эмигранты из Европы, Америки и Австралии. И он отвечал им всем своим чистым сердцем.

В свое время мы видели, как он расставался с постом секретаря Московской писательской организации. Отправив письмо в ЦК КПСС по самому неудобному вопросу, он ушел в отставку. Никаких истерик! Никакого уныния! И это тоже одно из моих счастливых и поучительных наблюдений минувшей эпохи. Напротив – прилив энергии и вдохновения. Письмо в ЦК было наострейшим в национальной истории России. Но русскость Куняева объясняла чистоту замысла – он русский потому, что исполнил послушание, полученное от Пушкина. Его поэтические переводы – воплощение открытой дружеской любви ко “всяк сущим языкам” и народам.

Он пришел в журнал во время и злое и “не было подлей”. Хотя самое начало перестройки (я помню это по своей работе в издательстве “Современник”) было для нас скорее эйфоричное, чем страшное. На девятибалльной волне этой эйфории мы, и Куняев вместе с нами, двинулись в Европу, Америку, Аргентину и далее везде. Вот тут-то все и началось!

В журнале “Вече”, который мы стали получать как самый дорогой подарок, мы читали статьи Красовского, в которых было сказано, что Красная Армия не желала воевать в начале ВОВ...

Виктор Астафьев, бывший членом редколлегии “Нашего современника”, в статье “С Харбином против прогресса” писал о Светском Союзе: “... мы жители великой, в убожество впавшей державы”.

Игорь Шафаревич, тоже член редколлегии журнала, сообщает о мифических завоеваниях социализма.

А группа русских патриотов из Австралии обращается к членам КПСС “как к братьям” — с просьбой выйти из партии. Зарубежные патриоты не без удовлетворения сообщали, что во многих странах Европы уже начались суды и процессы над “преступниками коммунистами”.

Теперь я понимаю, что Господь вразумлял и испытывал нас на прочность. В молодежной редакции издательства “Современник”, которой я руководила в те годы, шла книга Петра Паламарчука “Путеводитель по Солженицыну”, где часто мелькало в тексте слово “коммуняки”. А в это же самое время на наших глазах умирал от горя потери страны главный редактор нашего издательства коммунист Александр Карелин. Помню свое отчаяние. Пройдет совсем немного времени, и Петр Паламарчук, сын Героя Советского Союза, выступит на радиостанции “Свобода” в защиту своего деда маршала Кошерева, вводившего войска в Чехословакию в 1968 году. Мы любили Паламарчука за яркий талант и ни на что не похожее русское украинство. Жаль, что он так загадочно ушел от нас, не дожив до своего полного гражданского “взросления”.

Впрочем, мы были слишком под впечатлением откровений лучшей части русской эмиграции. Нас завораживала умная объективность Георгия Адамовича, идеи Солоневича и многое-многое другое. Воспитанные на русской классике, мы ожидали увидеть в русском зарубежье Болконских и Калитиных, а увидели НТС и антисоветчину. Мы еще не знали тогда, что здесь у себя увидим “сытых”, как у Блока. Увидим плоды их жадного чревоугодия, во имя которого они и сегодня пожирают Россию.

Куняевский “Наш современник” 1990-х и начала 2000-х естественно крепло в соответствии с историческим штормом. А ему, Куняеву, нужно было объединить всех — и старых и молодых, и белых и красных, и отсидевших в лагерях диссидентов, и бедных и богатых, и верующих и атеистов. Где он брал силы на все это? Может быть в Калуге? Однажды я видела его в Калуге — кажется, именно там он хранил свой энергетический заряд.

Когда он изредка печатал стихи толстосумов, святоши обвиняли его в беспринципности. Ну что тут скажешь, особенно в условиях развитого империализма: не продается вдохновенье, но можно рукопись... Ибо как говорил любимейший мною Некрасов: “Не даром ты, мужая по часам, на взгляд глупцов казался переменчивым”. Куняев умеет идти на компромиссы, особенно когда речь идет о физическом существовании любимого детища. Да, он умеет быть хитрым и умным. Компромиссным и меняющимся. Но только не беспринципным. На страницах его журнала печаталась Головкина, но не НТСовцы. Звучали и цветавские оды “Лебединому стану” и замечательные боковские оды Сталину. Куняев публиковал речи Патриарха, Путина и Зюганова. Он печатал Георгия Свиридова, который, может быть, более всех соответствовал его переживаниям в связи с насаждением в культуре отрицания ладовых связей. Его опорой и был “Лад” Василия Белова да и сам Василий Белов с его неповторимыми “Что творится!” и “Очувствуйся”.

Куняев упрямо плыл к обетованным берегам. Не случайно однажды мне остро захотелось познакомиться его с Грантом Матевосяном. Их встреча на русскую тему в гостинице “Россия” была символической, и не только потому, что пили они коньяк “Арапат”.

Сколотив свой ковчег, он действительно путешествовал вглубь исторической России, доказывая и определяя (еще до всяких разговоров о глубинном

характера) размеры ее духовных возможностей и скорости ее национального характера). Его журнал – настоящий космический спутник той самой глубинной длинной России, о которой вспомнили почему-то только сейчас.

Справедливости ради нужно сказать, что более всего позицию и судьбу журнала Куняев укрепил исключительно собственным творчеством – непрерывным, многообъемным, рискованно-острым и спорным, захватывающе увлекательным и предельно честным.

Куняев никогда не боится быть осуждаемым. Вместе с тем – никогда и никому не отказывает в объяснении. Помню, как неожиданно расстроились мои завидно гармоничные взаимоотношения с семинаром поэзии, который я вела в Литературном институте. Я попросила студентов прочитать книгу Станислава Куняева “Любовь, исполненная зла”. Мои семинаристы оскорбились за весь Серебряный век. Между нами возник, казалось, непреодолимый холод. Понадобилось много усилий, чтобы убедить их в том, что время неизбежно будет работать на книгу Куняева, и отношение к Серебряному веку будет меняться, если только учесть, что “душа обязана трудиться и день, и ночь...”. Правда, без ложной скромности скажу, что задолго до куняевской книги я написала стихотворение “Я разлюбила Серебряный век”. Стихи теряются в современном пространстве. Но я горжусь уже тем, что совпала с Куняевым в главных предчувствиях века.

Одна из замечательных страниц куняевского журнала – поэтессы или (упаси Бог оскорбить кого-либо) поэты женского пола. Вообще же, что касается женского присутствия в журнале, демократичнее и благороднее куняевского правления трудно себе представить. Его не одолел даже не поощрявший женскую поэзию Юрий Кузнецов. Куняев пестовал молодых поэтесс буквально как дочерей, а к зрелым проявлял братскую солидарность. Как он дорожил ими! Как гордился всегда! Как был внимателен к их стихотворчеству! Как рыцарски порой завышал свои оценки. Добро, конечно, должно быть с кулаками, хотя бы потому, что оно наказуемо. Вот и Станислав Юрьевич совсем недавно оказался в роли Короля Лира, когда литературные дочери отказали ему в доверии на последнем съезде писателей. Сказать откровенно, если я и волновалась за кого-нибудь на этом съезде, то только за Куняева. Для меня Куняев – явление не имеющее цены. Выдержит ли он этот удар? Bravo, Куняев! Он не только не согнулся на ветру, как герой Шекспира, но, напротив, набравшись молодого задора и остроумия, сочинил красноречивую отповедь своим ученицам. Глядя на него, я подумала, как хорошо он понимает физический закон устойчивого равновесия.

Самой – не побоюсь сказать – ярко драматической страницей куняевской журнальной эпохи стала история или, точнее, феерическое продолжение истории его литературных и человеческих отношений с Татьяной Михайловной Глушковой. И здесь не обойдешься только классической коллизией: “Там жили поэты, – и каждый встречал другого надменной улыбкой”. Издав совсем недавно книгу – наследие Глушковой, Куняев продолжает и через много лет диалог с нею.

Груз, по своему бесценный, ее филологической алхимии я испытала и на себе, когда редактировала газету “Русский Собор”, но перед обаянием ее неповторимой одаренности устоять было невозможно.

Это была удивительная история! Драма, трагедия, трагикомедия, элементы фарса и, наконец, мелодрама. Хотя все же не поэтическая ревность лежала в основе их так называемой дружбы-ссоры, а какая-то глубинная ревность к истине со стороны Татьяны Михайловны. Неподражаемая в публицистической страстности и филологической скрупулезности Татьяна Михайловна соперничала не просто с одним Куняевым, а с целым журналом, целым направлением. Все это фундаментально описано и объяснено в книгах Куняева. Вопреки здравому смыслу и в меру своих тогда молодых усилий я старалась мирить их, и была свидетелем редкого благородства, которое проявлял Станислав Юрьевич. Я видела, как он мирился с нею всегда охотно и радостно, как помогал ей щедро и милосердно. И в этом весь Куняев.

Нет, правда, хочется жить и дышать, глядя на Куняева и его возвышенную дерзость в спорах с непреодолимым.

На посту главного редактора неожиданно для меня лично Куняев оказался еще и замечательным учителем жизни. Педагогом. Мне почему-то каза-

лось всегда, что его суть – “плыть, плыть, плыть”, охотиться, слушать ветер “в пустых колокольнях”, драться, уметь побеждать и проигрывать. Но учить жизни – это было для меня неожиданно. Однако, невзирая на общее помрачение, падение вкусов и нравов, он терпеливо и стоически предлагает своим читателям – всей России – свою безупречную верность основам русской классики и советского творчества. Современная российская школа намеренно отреклась от вековых традиций национальной педагогики. Современный театр растлеывает публику откровениями в духе де Сада и Калигулы. Современное телевидение смакует бесконечное расчленение трупов. Современный спорт молится на деньги. А Куняев плывет в своем ковчеге с полной уверенностью в своей правоте. Ему дано счастливое античное безразличие к переменам. Притом что он чувствует время и смотрит в глаза новизне. Но смотрит бесстрашно. Потому что он прав. И только у этой правды есть будущее.

Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО